

по-настоящему»? Наверное, ответ мне теперь нужно найти самому.

Потом мы снова шли, но опять-таки – зачем, куда? Ясно не помню, скорее всего, домой, в Вёсну. Вот, собственно, и весь мой сказ!

* * *

Да, плохой я литератор: нет в моём произведении ни завязки, ни развязки. Но тот день живёт в моём сердце уже не один год, к чему-то зовёт, заставляет думать, останавливаться посреди житейской суеты, а порой чего-то ждать и во что-то такое особенное верить.

Да, я жалею, что нечасто был рядом с дедушкой; только на летние и зимние каникулы наезжал в Вёсну. И однажды прибыл для того, чтобы похоронить дедушку.

Он лежал в гробу маленький, худенький, с подстриженными усами и бородой, не страшный, не выжелтый, а очень, очень, просто удивительно, даже – не боюсь слова! – чудесно естественный, будто прилёг на часок-другой вздремнуть. Солнце пушинками света жило в его белых волосах, и мне казалось, что он очнётся, глянет на нас своим чуть-чутьочным улыбчивым прищурцем и скажет всем: «Вы обязательно должны быть счастливы и только счастливы». А может, и не сказал бы столь высоко, как уже однажды сказал мне. Разве мудрый человек будет втолковывать вам понятные всем истины, навязывать своё мнение? Он, думаю, если бы очнулся, то просто улыбнулся бы, улыбнулся бы той своей хитровастенько-ласковой чутьчутьочной улыбкой.

Бабушка не долго прожила без него: безмятежно, незаметно почил дома в кровати, и, думаю,